

Литературная сбраница

Клятва

РАССКАЗ

Заснеженная ухабистая дорога круто повернула влево, из-за пригорка показались низенькие избы с тяжелыми снежными шапками крыш. Тихо подходил Кузьма Севастьянов к родному селу. Лес, снежная дорога, лиловый дымок и суетливые галки,—все это было до боли знакомым и в то же время волнующим, будто новым.

Улицы села были тихи. Только возле обледеневшего колодца звенели ведрами женщины. Дойдя до своей избы, Кузьма остановился.—«Осела старушка».—подумал он. И здесь, уже возле своего дома, он вдруг почувствовал усталость. Она давила плечи, словно большая тяжелая шуба. Казалось, что дальше ему не сделать ни шага.

Через час он сидел у стола, накрытого ради прихода желанного гостя чистой полотняной скатертью. В избе пахло кислым, давно подошедшим тестом, и этот привычный теплый запах был необыкновенно приятным. В печи трещали дрова и казалось, что они говорят ему на своем, но понятном ему языке:

— Ты дома, хозяин, ты дома! Жена суетилась возле, и движения ее были какими-то слишком торопливыми и неуверенными, не такими, как всегда. «Вот и дождалась мы, вот и дождалась!»—говорила она, не замечая того, что эти слова она повторяла уже много раз.

Дверь распахнулась. В избу вошел сосед и старый друг Кузьмы—Василий Краснов.

— Возвратившемуся с фронта, инвалиду Отечественной войны—низкий поклон,—шутливо торжественно произнес он, обивая снег с валеков.

Друзья молча обнялись.

— Значит отвоевался, брат?—спросил гость.

— Да, теперь мне только вспоминать. Пожалуй, до конца дней рассказов хватит,—отозвался хозяин. Мальчики насторожились. Коля уронил нож и как-то неловко, боком подошел к отцу.

— Знаешь, Вася, у меня сейчас все в одно слилось: и грохот оружийный, и кровь липкая на руках и холод, что до костей пробирал... Ух, какой же, браток, холод... Много всего было. Но вот, ты скажи, осталась в памяти точка одна, вовек ее не забуду.

— Что же, или бой большой был в ту ночь?—свертывая цыгарку, спросил гость.

— Не знаю, как и сказать тебе, тут понять надо, братишка, понять. Нас, десантников, было тридцать. Ребята подобрались все, как один, дюжие. Лейтенант наш Морозов не любил много говорить: «Ребята, перед нами враг. Мы в глубине обороны противника. Победить или умереть. Вперед!» Грязь была, брат, такая, что колени захлестывала—жирная, липкая, холодная; одну ногу вытаскишь—другая стала. Не помню, как пошли в штыки. Стена, живая стена шла на нас, а кругом—тишина. А тишина страшнее всего. Тогда кричишь—оно как будто бы легче, а от тишины, в такую минуту, кажется, задохнуться можно. Я замахнулся штыком, что-то подалося на меня, навалилось, что-то липкое и горячее залило лицо. «Кровь», подумал я,—чужая... Сбросил с себя эту тяжесть и, не вытирая лица, замахнулся во второй раз. И вот, друг, опять на меня тело вражье навалилось. А потом—опять тишина...

От этой самой ночи и виски у меня побелели. Замахнулся я в третий раз. И что ж ты думаешь? Штык мой будто в воздухе завяз. Я его назад тяну, а он ни с места. И вот тут-то стало мне страшно. А штыком я не мог шевельнуть потому, что ранило меня в ту минуту.

Широко раскрыв светлосерые глаза, Коля смотрел на отца.

Опуская большую волосатую руку на колышко плеча, Кузьма продолжал:—И дальше что было—я не помню. Тут я, значит, и сознание потерял. Ну, а задание часть наша выполнила: немцев выбила и позиции, расположенные на болоте, заняла. Два месяца я после этого в госпитале отлежал, а потом в свою часть вернулся, два года, милый друг, в окопах провели. Два года в воде простояли, в глинах, в тине, в слякоти. И чего только человек не вынесет, если нужно вынести!

— Папаша, а где же командир-то ваш был?—не выдержал Коля.

— Командир где был? А с нами он и был. Он и награду мне вручил.

Отец поднялся с лавки, подошел к высокому красному сундуку и достал маленькую коробочку.

— Вот она, награда моя,—бережно доставая блестящую медаль, сказал он.

— За оборону Ленинграда,—сказал Василий.

— «За нашу советскую родину»,—звонко и нараспев прочитал мальчик.

Отец ласково взъерошил мягкие светлые волосы сына и протянул медаль:—На, поддержи отцовскую славу!—И задумчиво добавил:—Пойдет теперь эта медаль из поколения в поколение, долго ей жить, сынок!

— А пока что ее придется спрятать. Большим станешь—подарю.

— Папаша, а ты дай ее мне, дай, мы с Мишкой давно хотели медаль или орден. Нам не насовсем, мы над ней хотим клятву дать...

— Вот оно что,—удивился отец.

— Это какую же клятву?

— А клятву на верность родине!

Отец уже не улыбался. Он держал руку на белой головке сына и молчал.—Что ж, сынок, возьми медаль, только не потеряй. На такое дело дать нужно.

...Проводив друга до его избы, Кузьма остановился. Мягкая голубая ночь плыла над селом. Крепко спали старые яблони. Низко склонили они ветки, отягощенные снегом, словно буйным цветением. Глубокие снега сушили урожай.

— Вот за это все, за свое, за родное отдал я три года,—подумал Кузьма.—А парнишка-то мой, а? Парнишка каков?—светло улыбнулся он.

...На другой день в заснеженном саду мальчики дали клятву. Было это так: под старой сосной, под той самой, на которую Кузьма лазал еще парнишкой, разостлали красный платок и на него положили медаль.

По одну сторону, плечо к плечу, стояли серьезные, как будто бы даже побледневшие товарищи—Коля и Миша, по другую—Колякин отец.

Коля подошел первым. Он согнул правое колено, опустился на снег, правую руку положил на медаль и тихо, но четко произнес: «Клянусь быть верным своей Родине и так же крепко бить врагов, как отец». За ним те же слова повторил Миша.

Если бы у Кузьмы спросили, что он чувствовал в эту минуту—он не смог бы ответить.

Есть чувства, передать которые невозможно. Слишком глубоки они, и нет для них подходящих слов. И вот потому-то, наверное, все молчали. Красным пятном расплылся по снегу платок. Пунцовый закат освещал глубокие чистые снега, делая их жемчужно-розовыми.

Было тихо, но казалось, что слова клятвы все еще звучали в свежем прозрачном воздухе, а притихший запесенный снегом сад слушал их и благоговейно молчал.

В. АЛЕКСАНДРОВ.

Чернянка.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ НЕМЕЦКОЙ НЕВОЛИ

Рис. А. Резниченко («Радянська Україна»)

Возвращение

Скоро, друг мой, ты придешь назад.
В дом войдешь и просветлеет взгляд.
Все твое, что видишь ты кругом,
Он все тот же обжитой твой дом.

Исходивши тысячу дорог,
Ты смелей переступай порог.
Сбрось с плеча походную суму,
Поклонись дому своему.

И отведи поклон своей жене,
Столько слез пролившей в тишине.

Сколько ожиданий и тревог
Друг твой одинокий превозмог.

Познакомься с мальчиком своим
Вы еще ведь незнакомы с ним.

Он боится на рукав пустой,
Он боится говорить с тобой.

Ближе к сердцу левая рука,
Обними покрепче паренька!
Он печали с матерью делил
И тебя, не видевши, любил.

Да пройди, пройди же ты,
Не стой не стой!

На столе твой бронзовый
Толстой.

Он философ, он большой
Мудрец.

Не стесняйся, что простой боец
Исходил ты тысячи дорог.

Сколько раз ты стыл на них
И дрог.

Ты изведал тысячу ветров,
Прежде чем пришел под этот кров.

Ты в объмку с ветром в поле
Спал.

Ты продрог, измучился, устал...
Путь твой ратный долго и велик.

Сколько смял ты нежных
Повилик,

Изломал ковыля по степям,
Сколько крови ты отдал снегам.

Обошел немеряных озер,
Пулеметный слушал разговор.

Падал навзничь в мокрую траву...
А жена припала к рукаву,

Нежно гладит твой рукав
Пустой,

Пусть поплачет, помолчи,
Постой!

Л. ШЕЛЕСТ.

Личный враг

Лунный отблеск девичьей
Печали,
Матери заботливый вопрос.—
То, чего подчас не замечали,
Ничего стало дорого до слез.
Видю я ракетными ногами
Прадедом посаженную ель.
И святую руку, что качает
Моего ребенка колыбель.
И слезу полынную, что виснет
На реснице матери моей...
Все, что было дорого нам
В жизни.

Все, что ныне дорого нам
В ней,—
Это все—отчизна. И едва ли,
Если бы оно было не так,
Мы бы непреклонно воевали,
Доходя до штыковых атак.
От семьи отвыкли солдаты,
Вспомним за обедом полевым,
Как до фронта были мы богаты,
Сокровенным, личным, родовым.
Матери, невесты, жены, дети,
Отчий дом и яблоневый сад,—
Самое любимое на свете
Вырвано войною у солдат.
Потому в любом из положений,
Даже если жить осталось — шаг,

Каждый немец на полях
сражений —
Это личный, это кровный враг!
Николай КОРНЕЕВ.

Книжная полка

Курское отделение Когиза получило большую посылку новой художественной литературы.

Среди новых книг много стихов: поэма «Василий Теркин» Александра Твардовского, сборники «Россия карающая» — А. Суркова и «Вера в победу» — Евг. Долматовского. В сборнике Долматовского помещена его поэма «Полынь», посвященная летним боям 1943 года на Курской дуге.

Художественная проза представлена книгами М. Шагинян «Урал в обороне», А. Караваевой — «Огни», Ф. Гладкова — «Клятва», В. Катаева — «Жена», а также историческим романом Степанова — «Порт-Артур».

Песня о курском парикмахере

Юрию Ивановичу Резникову посвящают.

Был в Курске один парикмахер.

Он каждого в городе знал.
И в кресло клиента сажая,
Беседой его занимал.

Он мастером был на прически,
Он бороды брил и усы,
Он руки имел золотые,
Работал всегда «как часы».

Настало тяжелое время.
Поднялся народ на войну.
Уехал на фронт парикмахер,
Оставил детей и жену.

В полку, у переднего края,
С начала войны находясь,
Он стал первоклассным связистом,
В бою обеспечивал связь.

Под пулей, снарядом и миной,
Порыв ликвидировав он,
Он кабель устанавливал, делал
сростки...

И вновь говорил телефон.

И русское сердце потверже,
Видать, чем немецкая сталь.
Связист награжден «За отвагу»
И рядом вторая медаль.

В то время родной его город
Стонал под ярмом палачей.
Фашисты людей убивали,
В полон угоняли людей.

У мастера старшая дочка
В Германию увезена.
Из Гамбурга горькие письма,
Порой присылала она.

Но минули беды, врага мы
Каленым железом смели,
И снова свободны просторы
Великой советской земли.

Наш мастер командует
взводом,—

Две дюжины смелых ребят,
Два ордена, кроме медалей,
Над знаком гвардейским горят.

Теперь он стремится на запад
В берлоге врага, может быть,
Он выручит дочь свою сможет,
А нет—за нее отомстит.

Дерется героически, по-русски,
И пулей, и верным штыком,
Связист-парикмахер из Курска,
Который вам, верно, знаком.

Ю. ЖУКОВ.

Полевая почта 03521-А.

В МЕЧТАХ О КУРСКЕ

Обрывки дыма ветер в кольца вертит.

Седой рассвет, к реке отлогий спуск...

Сегодня бегов пишу я на конверте

Короткое, родное слово — Курск.

Ты весь одет в накидку снеговую,

И клены ветками-ушами шелестят.

Вернемся вновь, я камни поцелую

На Чеховской у дома шестидесяти.

Приду, калитку ветхую открою,

Зажгутся в окнах яркие огни,

В груди своей я радости не скрою,

Завидев косы русые твои.

Я знаю, ты мне бросишься навстречу,

И руки теплые мне шею обвяжут...

То будет первый не военный вечер,

Что мы отбили в яростном бою.

Я расскажу тебе о дальних странах,

О синих реках в сумрачном краю.

О том, как дрались мы на переправах

За город наш, за родину свою.

Капитан Анатолий ШЕЛОКОВ.

г. Варшава—Прага.

Декабрь.